

тов 297 были латышами (242 из Латгалии, 55 из других местностей), 27 русских (16 православных и 11 старообрядцев), 5 поляков, 2 еврея и 2 белоруса. Конгрессом был избран Временный исполнительный комитет Латгале, которому депутаты делегировали обеспечить завершение отделения Латгалии от Витебской губернии. Совет Народных Комиссаров ССФР приказом No. 93, утвердил полное отделение Даугавпилского, Резекненского и Лудзенского краев от Витебской губернии и присоединение Латгалии к Видземе [6, 20229–20230]. Таким образом, русская революция 1917 года открыла для латгальцев не только возможность приобретения опыта политической деятельности, но и проложила путь к демократии – к свободе прессы, организованной деятельности, и самое главное – к свободе самим решать судьбу своего будущего. Принятые решения демократически избранным представителем народа изменили не только жизнь латгальцев, но и дальнейшую судьбу двух частей латышского народа, которые по воле воюющих великих стран и политических изменений нового времени были административно разделены. Несмотря на то, что на Резекненском конгрессе не было предложено бороться за латвийскую национальную независимость, именно там впервые прозвучало политическое проявление – зов единства латышского народа и территориальной целостности, т.е. учреждения независимого Латвийского государства.

Источники и литература:

1. Sedovs, V. Baltisenatnē. Rīga: Zinātne, 1992.
2. Čakša, V. Latgalesceļš uzgarīgo kultūru un mūzika sizglītību. Rēzekne: RA, 2001.
3. Zeile, P. Latgales kultūras vēsture. Rēzekne: LKCI, 2006.
4. Kemps, F. «Sapņi par vīneibu» // *Dryva* – 1917. – 25. janv.–C.1
5. Blanks, E. «Latvija vīnojās» // *Dryva* – 1917. – 23. janv.–C.2
6. Kemps, F. Latgalieš u kongress. Rokraksts. LNB, Nr. RxA 96, 241.v.
7. Национальный архив Латвии (ЛНА).– Ф. 2298. Оп. 1.Д. 99.
8. Švābe, A. (galv.red. 1933–1934) *Latvieš u konversācijas vārdnīca*. 10. sējums. Rīga: A. Gulbjaizdevniecība.
9. Национальная библиотека Латвии (НБЛ). № RxA 96, 241.v [Рукопись Ф. Кемпа].

ИСТОРИЯ ОДНОГО АТАМАНА. БАТЬКА ТАРАС СЕРГУЧЕНКО И ЕГО ВРЕМЯ

М.В. Васильев

Псков, Псковский государственный университет

Гражданская война в России породила большое количество различного рода авантюристов, пользующихся ситуацией развала государственности в собственных целях. Именно с этим историческим периодом связано такое уникальное явление как батьковщина и атаманщина, существующая как в тылу Белой, так и Красной армии. Практически повсеместно в годы гражданского вооруженного конфликта появлялись местные атаманы и батьки, создававшие свои отряды и контролировавшие определенную территорию. Численность подобных отрядов была различной и колебалась пары десятков человек до нескольких тысяч. Эти атаманы официально придерживались различных политических течений и вступали в союзы с различными военно-политическими силами, действовали по ситуации, зачастую искусно приспособившись к динамично меняющимся условиям. Такая ситуативная тактика действий заставляет исследователей изучать каждый «зеленый» отряд в отдельности, рассматривая его как специфическое явление эпохи. Однако была у

«зеленых» атаманов одна общая черта – все они не признавали верховной власти над собой и позиционировали как абсолютные правители на подконтрольной им территории. Зачастую прикрываясь благообразными лозунгами свободы и защиты революции, подобные отряды не многим отличались от обыкновенных бандитских группировок, использующих соответствующие жестокие методы борьбы.

Одним из таких авантюристов Гражданской войны в Себежском уезде Витебской губернии стал Тарас Иванович Сергученко. О довоенной биографии этого человека известно немного. Происходил Тарас Сергученко из среды зажиточных белорусских крестьян, по всей видимости до революции 1917 г. пользовался значительным авторитетом в крестьянской среде. Известно, что в рамках осуществления политики «военного коммунизма» имущество Т. Сергученко подпало под национализацию, что сделало Тараса непримиримым врагом Советской власти. Борьбе с Советами он посвятил всю свою оставшуюся жизнь. С конца 1918 г. Тарас Сергученко совместно со своими братьями Семеном и Иваном приступил к формированию вооруженного отряда из числа местных крестьян и дезертиров. Уже к началу 1919 г. в его отряде насчитывалось 200 вооруженных человек [1, с. 64]. Столь быстрое формирование отряда определяется целым рядом причин, главными из которых являются крайне тяжелое продовольственное положение в ряде волостей Себежского уезда. Периодическая печать того времени следующим образом описывала продовольственную ситуацию на селе: «Обезумевшие от голода люди и поступают безумно. В этом нет ни чего удивительного», «Крестьяне начинают бродить по полям как волки. Всюду толпы годных», «Настроение масс настолько неустойчиво, что какие угодно нелепые слухи находят ответный отклик и благодатную почву», «И все больше растет это настроение отчаяния и холодного ужаса перед грозным призраком голодной смерти» [2, с. 42 – 43]. Но даже в условиях тяжелейшего продовольственного кризиса 1918 г. в деревне продолжали активно действовать продовольственные отряды, отбиравшие иногда последние запасы хлеба из крестьянского хозяйства. К весне 1919 г. Витебские деревни наполнились огромным количеством дезертиров из Красной армии. Мобилизованные в армию крестьяне не желали принимать участие в Гражданской войне и использовали любой удобный случай, чтобы покинуть ее ряды. Так, например в соседней Псковской губернии только с февраля по март 1919 г. через комиссию по борьбе с дезертирством прошли 68457 человек [3]. Крестьяне бежали из призывных пунктов, железнодорожных эшелонов и воинских частей и обходными тропами возвращались в родные места, но опасаясь наказания были вынуждены скрываться в сараях, амбарах и лесах. Периодическая печать того времени отмечала: «по деревням молодежь прячется от мобилизации, и в редкой деревне нет такого бегуна» [4]. Именно дезертиры становились питательной средой для различного рода крестьянских «зеленых» отрядов.

Первоначально отряд Сергученко действовал на территории Непоротовской волости, не представляя серьезной опасности для местных властей. Но к весне 1919 г. отряд новоиспеченного атамана численно увеличился и в достаточной мере был вооружен. Уже 26 мая им был совершен дерзкий налет на железнодорожную станцию Идрица и захвачены два паровоза, один из которых оказался почтовым. В течение нескольких дней власть на станции Идрица была в руках повстанцев. В материалах следствия отмечалось, что отряд Сергученко не производил никаких грабежей на станции кроме железнодорожной кассы. Не было совершено и расправ над пленными советскими работниками и красноармейцами, хотя отдельные призывы расстрелять комиссара железнодорожной ЧК ст. Идрица звуча-

ли из толпы. В своем докладе член комитета партии Ново-Сокольнической организации К. Отс, руководивший ликвидацией выступления «зеленых» отмечал: «Заняв станцию, зеленые вели себя весьма спокойно и самоуверенно, во всем был виден продуманный план. Начальник зеленых, по всей видимости, лицо, обладающее достаточным авторитетом, хладнокровный, настойчивый с административным навыком и талантом. Согласно показаниям завали его Иван Иванович Сергученко. Приказания его выполнялись точно и беспрекословно» [5]. На станции были распространены заранее заготовленные объявления, содержание которых сводилось к следующему: «Долой войну, да здравствует свобода дезертиров, частная собственность, долой жидов и кровопийц коммунистов». В своем объявлении «зеленые» призывали «всех любящих свободу», вступать в зеленую армию, создавать волостные ячейки и всячески организовываться. Наличие подобных прокламаций доказательно подтверждает высокий уровень организации операции. По некоторым сведениям Сергученко планировал захват железнодорожных станций Полоцка, и Опочки для дальнейшего соединения с белогвардейскими частями в направлении Пскова. На захваченных паровозах отряд Т. Сергученко контролировал часть Полоцкой железной дороги, патрулируя станцию Нащекино и Галузино. В районе Пустошки «зелеными» был разобран мост и испорчено телеграфное сообщение [6].

На следующий день 27 мая в Ново-Сокольниках был сформирован сводный отряд для ликвидации «зеленых». В него вошли: 1-я Великолукская крестьянская рота (маршевая) 85 чел., 5-я и 6-я роты 44-го Невельского железной дороги оборонного полка 55 штыков, отряд из Ново-Сокольницкого взвода продармейцев 14 штыков, один взвод Ново-Сокольницкой караульной команды в 18 штыков при одном пулемете и командированных Ново-Сокольницкой организацией 3 коммуниста из ответственных работников, всего 110 штыков. Патроны были розданы в Ново-Сокольниках от 30 – 60 штук на винтовку [5]. В первом часу ночи на 28 мая сводный красноармейский отряд был погружен в эшелоны и отправился в направлении ст. Пустошка (47 верст от Ново-Сокольник). Именно там действовало последнее телеграфное сообщение. К 9 час. 30 мин. Советский отряд вошел на ст. Нащекино в которой повстанцев не оказалось. Пребывая на станции, командир сводного отряда К. Отс, вступил в своеобразную радио-игру с повстанческой Идрицей, в результате которой «зеленые» полагали, что Нащекино подконтрольна им. К 10 часам утра Идрица вторично вышла на связь с требованием открыть semaфор для прибытия паровоза и встречать надсмотрщика. Командиром сводного красноармейского отряда было принято решение организовать засаду в одной версте от ст. Нащекино. Пять отделений отряда были расположены цепью по правой стороне выемки для обстрела поезда. Три отделения заняли выход из выемки со стороны ст. Нащекино и расположены были по левой стороне. Пулемет закрывал вход в выемку на случай отступления зеленых. Разведке дано было боевое приказание – отойти вперед главных сил на полторы версты к Идрице и при первых же выстрелах испортить полотно железной дороги, что бы отрезать зеленым путь отступления, даже если они в выемку не въедут. Около 10 час. 30 мин. паровоз повстанцев с 2-мя вагонами показался на закруглении и подходил с соблюдением всех предосторожностей – без каких либо сигналов. Однако заподозрив засаду состав остановился за речкой, рядом не доходя 1,5 версты до выемки, из вагонов вышло 50 человек и рассыпались в цепь у паровоза. Получив эти сведения, красными был отдан приказ левому флангу из трех отделений соединиться с разведкой, выйти в тыл зеленым и отрезать паровозу пути отступления. В этот момент сказался сводный характер красного отряда и несогласованность действий.

Разведка, не выполнив боевого приказа, не вышла в тыл к зеленым с целью отрезать пути отступления, главные силы с пулеметом были отделены от зеленых высоким господствующим холмом, который предстояло брать. Пулеметчик открыл огонь по гребню холма, полагая, что зеленые засели на гребне во ржи, но пехота повстанцев уже в спешности отступала в направлении Идрицы. В это время второй поезд повстанцев попал в засаду, следуя в Опочецком направлении. На ст. Енисейки 5 «зеленых» были убиты и тяжело ранены, поезд был отбит, а наступление красных на ст. Идрица велось по трем направлениям, со стороны Сокольников, Опочки и Себежа. В сложившейся ситуации, отряд Т. Сергученко не принимая боя, сдал захваченную станцию Идрица и по 4-му железнодорожному пути ушел на оставшемся у него паровозе в Полоцк [5]. К 15 час. 45 мин. отряд К. Отса занял Идрицу, а к вечеру из Ново-Сокольник туда подошел отряд латышских стрелков с пулеметами и 3-х дюймовой батареей. Железнодорожная и телеграфная связь была восстановлена. В результате подавления зеленого мятежа, попал в плен сам Тарас Сергученко, но вскоре был отбит членами своего отряда. К 29 мая 1919 г. отряд Сергученко был уничтожен и распался, сам батька с небольшой группой доверенных лиц перешел на территорию Латвии. Но гражданская война для Сергученко не закончилась, а лишь приобрела иную форму. Практически сразу он вступил в формирующиеся белогвардейские диверсионно-террористические отряды, находящиеся под общим командованием полковника Архангельского.

Подготовленные боевые отряды планировалось направлять через советскую границу для организации диверсий, уничтожения коммуникаций и средств связи, уничтожения советских работников и антисоветской агитации в среде крестьянства. Вдоль границы рассредоточивались небольшие отряды численностью от 50 до 200 человек. Каждый из этих отрядов имел свою четко поставленную задачу, при выполнении которой они имели приказ действовать по ситуации. В числе задач, выдвигаемых перед диверсионными отрядами, были организация «повстанческих отрядов», которые должны стать опорными базами в дальнейшей борьбе, проведение разведывательной и вербовочной деятельности в советском тылу. Также предписывалось создавать разведывательно-подрывную сеть в приграничных районах Советской республики. Установив контакты с латвийской разведкой, Тарас Сергученко реформировал свои отряды, разделив их на ряд небольших групп, расположенных у Латвийско-Советской границы [7, с. 133]. Брат Тараса – Семен Сергученко поступил на службу польской контрразведки и выполнял такого же характера задания.

Успешному передвижению различного рода банд и диверсионных групп через Советскую границу способствовала малочисленность и слабая обустроенность пограничной службы РСФСР. Так, в 1920 г. на четыре версты Псковской границы приходилось всего по одному человеку. Более того, пограничники, не располагая специальными заставами и постами, были вынуждены располагаться в крестьянских домах или землянках, создавая бандитам широкие возможности для маневра [8, с. 342]. Если в самом начале 1920-х гг. главная цель подобных отрядов заключалась в поднятии крестьянства на восстание против Советов, то в дальнейшем эта идея становилась все более неосуществимой. К концу 1921 г. крестьянское сопротивление в России потеряло свою силу. Были разгромлены отряды Нестора Махно и Антонова. Уставшее от войны крестьянство переходило к мирному НЭПу. На смену террористическим формированиям все чаще приходил «частичный бандитизм, отличающийся типичным грабежом» [9]. Одной из последних крупных банд, действовавших на границе, как раз и стала банда Тараса Сергученко. Помимо диверсионной деятельности на Латвийской границе, Тарас Сергученко активно сотрудничал с

контрабандистами и сам промышлял этим делом. Чаще всего опытные контрабандисты сотрудничали с диверсионными отрядами и военными разведками соседних стран и в обмен на их поддержку выполняли разведывательные функции.

В конце августа 1924 г. батька Сергученко в очередной раз перешел границу и намеревался развернуть бандитскую деятельность на территории Себежского уезда, в то время уже присоединенного к Псковской губернии. По следу бандитов был отправлен отряд пограничников. Предупрежденный местными крестьянами о погоне, Сергученко переодевшись в форму погранвойск, сумел избежать засады и благополучно ушел в Латвию. Интересен тот факт, что в обзоре политического состояния СССР за ноябрь 1924 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода отмечал, что при поддержке финских белогвардейцев в районе Себежской границы неоднократно оперировала группа Сергученко, попутно распространяя прокламации на финском языке [10]. Вполне возможно, что батька Сергученко сотрудничая с латвийской разведкой, одновременно имел контакты и с финской стороной, получая от последних поддержку.

В 1925 г. Тарас Сергученко сделал передышку, мобилизуя силы и ведя сбор информации о положении дел на советской стороне. А с весны 1926 г. он вновь предпринял ряд прорывов границы, лично возглавляя отряды. Так, в апреле он сумел благополучно перейти границу, и занимался грабежами у станции Силково, на хуторе Вертюхи и в районе населенного пункта Юховичи. При подходе превосходящих сил красноармейцев и отрядов ЧОНа батька со своими людьми вновь ушел за границу. Финальная точка в жизни Тараса Сергученко была поставлена в августе 1926 г. Когда 1 августа он со своим отрядом в количестве 15 человек перешел границу на участке заставы д. Калинково. Своевременно оповещенные об этом пограничники успели окружить неприятельскую группу, не позволив ей рассредоточиться. В результате боя, часть диверсионного отряда была уничтожена, а часть отошла на латвийскую территорию. Новое столкновение произошло 12 августа 1926 г. когда отряд Т. Сергученко при очередном переходе границы был окружен и в результате боя был полностью уничтожен [1. с. 67]. В этом бою погиб и сам атаман. Отряд батьки Тараса Сергученко был последней серьезной силой на Себежской границе, после уничтожения которого, прорывы бандитских и диверсионных отрядов на этом участке фактически прекратились.

Источники и литература

1. Везовитов, С. М. Себежский уезд в первое послереволюционное десятилетие. 1917 – 1927 гг. / С. М. Везовитов. – Saarbrücken, 2012.
2. Орлов, Н. Продовольственная работа Советской власти / Н. Орлов. – М., 1918.
3. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 482. Л. 11; Ф. Р-590. Оп. 2. Д. 34. Л. 19.
4. Деревенская коммуна. – 1919. – 12 июля.
5. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 52. Л. 170 – 174.
6. Везовитов, С. М. Банда Сергученко / С. М. Везовитов // Островок. – 2011. – № 28.
7. Васильев, М. В. Крестьянский фронт. Очерки о Гражданской войне / М.В. Васильев. – Saarbrücken, 2012.
8. Пограничные войска СССР 1918 – 1928 гг. Сборник документов и материалов. – М., 1973.
9. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). – Ф. 6078. Оп. 1. Д. 38. Л. 48.
10. «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922 – 1934 гг.). – Т. 2. – Ч. 1. – М., 2001.